

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

МОСКВА 1941

ПЯТЫЙ РИМ

СЛАВА ЗАЩИТНИКАМ МОСКВЫ!

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

МОСКВА 1941

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2016

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В 75

Оформление переплета М. Левыкина.

Воронин А. Б.
В 75 Москва 1941. — М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. — С. 448, илл.

ISBN 978-5-9908265-1-9

Много книг написано о Битве за Москву. Много еще не написано. Но эта книга — особенная. Жизнь города, стремительно превратившегося в прифронтовой лагерь глазами простых москвичей, больших начальников, писателей, военных, ученых. Рытье окопов, отражение воздушных налетов, надежды, отчаяние, паника, осадное положение и радость первых побед «в холодных полях под Москвой» Все это вы найдете в книге Анатолия Воронина, основанной на личных дневниках, воспоминаниях и ранее неизвестных документах.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9908265-1-9

© Воронин А. Б., 2016
© Издательство «Пятый Рим»™, 2016
© ООО «Бестселлер», 2016

Введение

О б обороне Москвы много написано, но не написано еще больше. Даже по прошествии 75 лет некоторые документы продолжают оставаться под грифом «Секретно». Историю обороны Москвы еще только предстоит написать, написать обстоятельно, день за днем, изучив все повороты и сведя вместе все нити.

В этой книге мы решили отойти от привычного подхода и рассказать о том, каким был для Москвы 1941 год. С января по декабрь. Почти половина года мирная и более половины — военная. Кроме того, мы решили дать слово документам и тем людям, которые жили, учились, работали, выживали в тот год в Москве. В те времена, когда никто и не задумывался о том, что в относительно недалеком будущем в мире могут появиться соцсети, многие москвичи доверяли свои мысли дневникам. Часть из них начала вести дневники с началом войны, поняв, что их переживания, описания происходящего вокруг и даже бытовые подробности станут настоящим документом. Несмотря ни на что, большинство дневников очень откровенны, в них редко встречается официальная пропаганда или здравницы великим руководителям советского государства. Напротив, многие записи отражают истинное отношение владельцев тетрадей и записных книжек к отцам города и государства. Разумеется, эти дневники прятали, понимая, что они могут стать томами уголовного дела по какому-нибудь из пунктов 58 статьи. Но люди продолжали писать.

Ценность дневников состоит еще и в том, что они свободны от послезнания, самоцензуры, которыми грешат мемуары (их мы, впрочем, тоже используем).

Дневники, как и документы, открываются постепенно и к настоящему времени мало изучены, часто не привязаны ко времени и пространству и, главное, не включены в общую мозаику тех событий. Очень часто получается, что люди оказывались рядом, становились свидетелями одних и тех же событий, описывали их каждый со своей точки зрения, а иногда и с разных сторон фронта.

В дневниках война и жизнь Москвы предстает совсем иной, чем мы ее привыкли воспринимать. Величайшая трагедия XX века напозала на город постепенно. Жители столицы пытались жить своими старыми привычками, веря, что война продлится недолго: каких-нибудь один-три месяца, но чем дальше, тем сложнее становилась жизнь, приходилось делать непростой выбор, уезжать в эвакуацию или оставаться.

В книге использованы дневники и воспоминания:

Михаил Михайлович Пришвин — дневники за 1941 год;

Мария Белкина — биограф Марины Цветаевой, автор книги «Переплетение судеб»;

Георгий Эфрон — сын Марины Цветаевой и Сергея Яковлевича Эфрона, вел очень подробные дневники, почти каждый день, частью на французском, частью на русском языке;

Галина Васильевна Галкина — автор мемуаров с большим количеством бытовых подробностей;

Леонид Иванович Тимофеев, литературовед — дневники;

Лора Борисовна Беленкина — дневники;

Ирина Краузе — 24-летняя аспирантка Московского педагогического института иностранных языков;

Аркадий Первенцев, советский писатель — дневники;

Михаил Воронков — дневники, воспоминания и статьи (1911–1941 гг.);

Гальднер — немецкий артиллерист.

Ойген Зейбольд — унтер-офицер вермахта. Дневники.

ЯНВАРЬ — МАЙ

Л. С. С. 1954

Новый 1941 год

Новый 1941 год столица первого государства рабочих и крестьян встретила массовыми праздниками. Праздновали, как правило, по отраслевому принципу, в ярко украшенных клубах и домах культуры.

Газета «Правда» сообщала: «В залах Дворца культуры автозавода имени Сталина [сейчас это ДК «ЗИЛ». — Прим. авт.] светло, нарядно, радостно. Здесь собрались рабочие и работницы, инженеры, техники и служащие автомобильного гиганта. В гости к автозаводцам приехали Герои Советского Союза, бойцы и командиры Красной Армии, краснофлотцы. Свыше 6 тыс. человек празднуют здесь наступление нового, 1941 года». Не отстают и другие заводы: «Молодая, жизнерадостная толпа заполонила многочисленные комнаты клуба завода имени Авиахима [бывший особняк Рябушинских, а в настоящее время Китайский Культурный центр. — Прим. авт.]. Бойко идет торговля цветами, игрушками, различными украшениями на новогоднем базаре». Летчики собрались на свой праздник в Центральном доме Гражданского воздушного флота, в него после перестройки всего пару лет назад превратился знаменитый ресторан «Яр», теперь это гостиница «Советская».

«Когда стрелка часов приблизилась к 12, раздался бой часов с кремлевской башни. Эти звуки сменяются “Интернационалом”. — Да здравствует новый год, год новых побед нашей родины! — разнеслось по залам».

Отмечали Новый год и учащиеся старших классов московских школ — им в эту ночь достался Колонный зал Дома Союзов. Две тысячи человек отмечали его по-взрослому, с 9 вечера до 2 часов ночи. Однако вместе с танцами и выступлениями артистов тут были игры и «новогоднее торжественное шествие Снегурочки, встреча с дедом Морозом и чудесная, сказочной красоты, елка, организованная ВЦСПС». Этим праздником учащиеся отметили начало зимних каникул — последних зимних каникул перед войной. Посетившие Новогодний бал

московских школьников секретари ЦК ВЛКСМ Михайлов и Романов, а также секретарь МК ВЛКСМ Пегов не подозревали, что буквально через полгода им придется организовывать не праздники, а отправку комсомольцев на фронты — боевой и трудовой.

Несмотря на сугубо мирный праздник, передовицы центральных газет напоминали о сложной международной обстановке и пожаре войны, которую уже называли Второй мировой.

«В условиях второй мировой войны империалистические государства путем всеобщей военизации хозяйства колоссально повысил производство всех видов вооружения. Возросла военная опасность для нашей страны, международная обстановка особенно усложнилась, стала чревата всякими неожиданностями. “Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности перед ликом опасности военного нападения, чтобы никакая «случайность» и никакие фокусы наших внешних врагов не могли застигнуть нас врасплох...” — учит товарищ Сталин», — предупреждала газета «Правда».

«Часы бьют полночь. Двенадцать ударов падают в морозную ночь, отделяя прошедший 1940 год от наступающего 1941-го. Не всюду, быть может, будет услышан сигнал времени сквозь лай зениток и грохот падающих бомб. Сентиментальности давно отброшены в войне, и на Рождество или на Новый год сейчас не устраивают традиционных односторонних перемирий. Война бушует на трех материках, и вспышка зажигательной бомбы освещает рубеж календарного времени.

Два факта определяют самым кратким и лаконичным образом содержание прошедшего года. Первый: в состоянии войны находится почти весь мир. И второй: из больших государств фактически лишь один Советский Союз находится вне войны», — констатировали «Известия». «Когда почти весь мир охвачен такой войной, быть вне ее — это великое счастье, — говорил М. И. Калинин в день 23-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. — Люди Советской страны умеют ценить это счастье, которое не дается “само собой”. Они знают, что могущество, сила и богатство социалистического государства дают ему возможность занимать независимую позицию и вести самостоятельную политику, диктуемую интересами первого в мире государства трудящихся. Они знают, что уверенная готовность встретить во всеоружии любую неожиданность только и может обеспечить мир и процветание родины социализма. И, вступая в новый 1941 год, встречая его в радости и веселье, советские люди подводят свой итог — счастливый итог новых достижений в борьбе за коммунизм».

Увы, менее через полгода произойдет «внезапное нападение на Советский Союз», а далее последуют целый ряд «неожиданностей», которые приведут к тому, что вражеские полчища окажутся у самых стен столицы.

А пока можно совместить на одной странице пряник и кнут: на второй странице «Правды» сошлись Указ о награждении московского авиазавода №1 (имени Авиахима) Орденом Ленина, а его сотрудников орденами и медалями. Среди награжденных главный конструктор Артем Микоян и его заместитель Михаил Гуревич. Рядом — большое письмо от шахтеров Донбасса о том, как указ от 26 июня 1940 года хорошо повлиял на рост производительности труда. Предыдущий год прошел под лозунгом борьбы за дисциплину труда. Сначала указом от 26 июня Верховный Совет сильно ограничил возможности увольнения и ввел уголовное наказание за прогулы, позже, в августе, расширил его на мелких хулиганов и несунув, которые пытались добиться увольнения, совершая мелкие проступки на рабочем месте. В декабре 1940 года ужесточение дисциплины коснулось и учащихся ФЗО. *«Борьба с прогульщиками и летунами, дезорганизаторами социалистического производства, повышение ответственности за выпуск недоброкачественной продукции, мероприятия партии и правительства по созданию государственных трудовых резервов, предоставление наркоматам права переброски специалистов, служащих и квалифицированных рабочих — все это создает широкие возможности для укрепления хозяйственной и оборонной мощи Советского Союза»* — объясняла необходимость этих мер передовица «Правды».

Завершало тему новогодних поздравлений сообщение на последней странице (как «Правды», так и «Известий») о том, что *«31 декабря рейхсканцлер и верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии Гитлер опубликовал новогодний приказ по вооруженным силам Германии. Одновременно опубликованы новогодние приказы главнокомандующего германскими военно-воздушными силами рейхсмаршала Геринга, главнокомандующего германской армией генерал-фельдмаршала Браухича и главнокомандующего германским военно-морским флотом адмирала Регера»*.

А вот будущим союзникам, а пока что главным идеологическим противникам — англичанам не до веселого Нового года. Как сообщает советская печать, *«английский министр продовольственного снабжения Вултон обратился с призывом к домохозяйкам всячески экономить*

потребление импортируемых в Англию продуктов». Война на море привела к перебоям с поставками продуктов в Великобританию. Кто бы мог подумать, что следующий Новый год будет для советских граждан чрезвычайно голодным, и не только в блокадном Ленинграде, но и в Москве. «Вултон заявил, что и следующем году придется потреблять меньше мяса, чем в этом году. Население должно в большей мере пользоваться картофелем, поскольку он производится в Англии, и уменьшить потребление хлеба, который выпекается главным образом из импортной муки». Зато в Подмоскowie в это же время уже снимали зеленый урожай: «В теплицах серпуховского совхоза “Большевик” начался сбор овощей. В Москву отправлены первые 4 тонны зеленого лука и петрушки».

Школьники настраивались на веселые каникулы. Центральная детская экскурсионно-туристическая станция Наркомпроса РСФСР готовилась принять на своих турбазах 400 юных экскурсантов, отличников учебы из Ленинграда, Энгельса, Ижевска, Казани, Смоленска, Ярославля и даже Львова. В Измайловском парке культуры и отдыха им. Сталина «начало зимних школьных каникул отмечается открытием базы пионеров и школьников. Эта база устроена по типу однодневного дома отдыха. Ежедневно она будет пропускать 500 московских школьников». Уже осенью парк станет базой для партизан — в нем будут заложены тайники с оружием и взрывчаткой на случай оккупации Москвы.

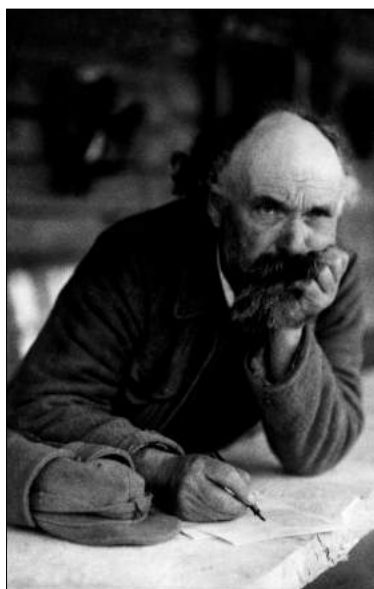
И все это на фоне сильных январских морозов. В последних числах декабря в Московском регионе резко похолодало. «В ночь под новый год температура понизилась до 27 градусов. Мороз держался в течение всего дня, а в ночь на 2 января достиг 32 градусов». Такая же холодная погода стояла и в последующие дни, доходя на севере Московской области до 44 градусов ниже нуля!

Но, несмотря на мороз, жизнь в Москве не останавливалась: продолжали воплощаться чрезвычайно сложные и смелые проекты. Инженер Эммануил Гендель рапортовал об окончании передвижки глазной больницы на улице Горького (дом 63). Передвижка закончилась в 23 часа 10 минут 2 января, морозы лишь немного затормозили ее. Новый адрес, который сохраняется и по сию пору — переулоч Садовских, 7 (правда, переулок переименовали обратно в Мамоновский). В процессе передвижки здание не только переехало на 61 м вглубь квартала, но и было повернуто на 97 градусов 16 минут и поднято на 2,8 м на новый цоколь. В результате фасад больницы

оказался напротив Центрального театра юного зрителя. А на освободившемся месте должно было начаться строительство многоэтажного жилого дома по проекту архитектора Андрея Константиновича Бурова. Он уже построил половину дома, на углу Благовещенского переулка, но вторую половину смог достроить только в 1949 году. Кстати, архитектор сам жил в этом доме. Стоит отметить, что, кроме вклада в роскошь индивидуального «сталинского» строительства, Андрей Константинович был одним из пионеров блочного строительства, именно он спроектировал «Ажурный дом» на Ленинградском проспекте, 27.

А менее чем через год трест по передвижке и разборке зданий Мосгорисполкома будет занят извлечением застрявших в болотах и реках танков, как немецких, так и отечественных — всего за войну будет извлечено полторы тысячи бронированных машин. Многотонные домкраты, мощные лебедки и системы блоков будут использоваться эвакуационными отрядами, а полученный опыт воплотится в специальное руководство бронетанковых войск по вытаскиванию застрявшей техники.

Михаил Михайлович Пришвин планировал свой бюджет на 1941 год. По состоянию на 4 января выходило, что у него в наличии есть 50 тыс. руб.: *«Этого хватит на год при 4 тыс. в месяц. А на дачу или: Однотомник, или написать “Пагун”.* Вернее же, так: если однотомник пройдет, то весь его на дачу, если нет — не строить дачу до написания “Пагуна”», — записал он в своем дневнике. На его планы существенно повлияет сначала жена, по настоянию которой он купит домик в Старой Рузе, а после, конечно, война. Роман «Пагун», уже под названием «Осударева дорога», будет закончен только в 1948 году, но так и не увидит свет при жизни писателя из-за многочисленных требований по переделке. В 1946 году Пришвин купит дачу в Дунино,

Михаил Михайлович
Пришвин: «За каждую
строчку моего дневника —
10 лет расстрела». (из архива
Л. А. Рязановой, наследницы
М. М. Пришвина)

где в 1941 году был один из последних рубежей обороны столицы — на другой стороне Москвы-реки были немецкие войска.

Большая политика напомнила о себе уже в самом начале года — 11 января в Москве был подписан договор о торговле с Германией. Торговля была нужна обеим сторонам: Германии требовались полезные ископаемые, руда, пшеница, нефть. Советскому Союзу было остро необходимо машиностроительное оборудование — станки, новейшие образцы вооружений и оборудования. Хотя «Правда» посвятила этому событию целую полосу, в действительности ситуация была довольно сложной: Германия постоянно пыталась затянуть поставки оборудования, СССР же каждый раз притормаживал отправку полезных ископаемых, а экспортируемая руда была слишком бедной.

Москва продолжает строиться

В первых номерах 1941 года «Правда» сообщала об окончании строительства здания Наркомстроя СССР на Большой Пироговской улице. Его возводили скоростными индустриальными методами: стены и межэтажные перекрытия собиралась из готовых железобетонных конструкций — наркомат, на личном примере показывал, каково должно быть будущее строительства. *«Здание имеет в своей центральной части девять этажей, а в боковых секциях по семь».* Однако, находясь снаружи, об этом и не подозреваешь — цоколь дома облицован гранитом, на стенах вестибюля белый мрамор.

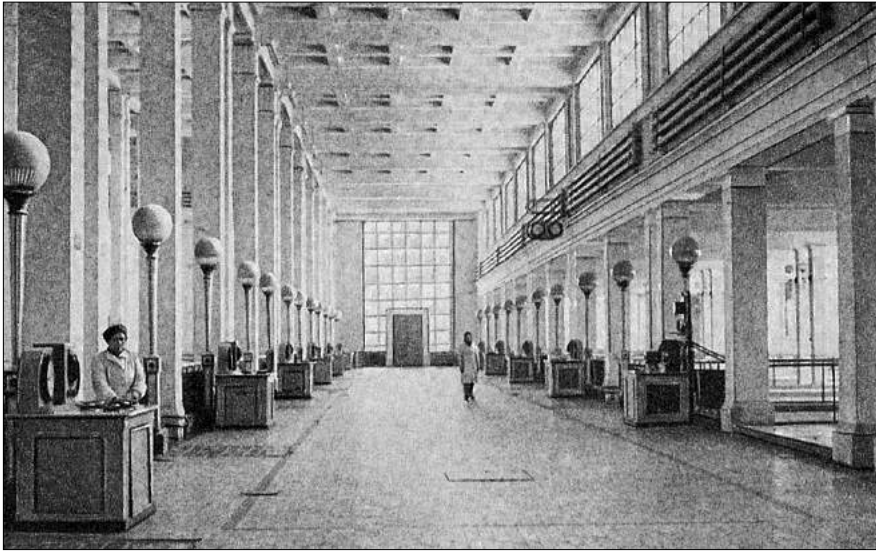
Война и здесь проявила свой норов — менее чем через год здание отобрал под штаб Главком ВВС П. Ф. Жигарев, провернувший эту операцию с помощью своего починенного майора Василия Сталина. Командующий Авиацией дальнего действия (АДД) Главный маршал авиации Александр Евгеньевич Голованов вспоминал: *«Василий был лейтенантом, через год встречаю его майором, потом полковником — это все Жигарев, Главком ВВС, старался. Он хотел получить новое здание для штаба ВВС и присмотрел дом на Пироговке. “Уговоришь отца, — сказал он Василию, — станешь полковником”. Но Василий боялся идти к отцу с этой просьбой. Жигарев посоветовал ему сразу к отцу не обращаться, а под проектом решения собрать подписи членов Политбюро, сказав им, что отец согласен. Василий так и сделал, а потом пошел к отцу, показав ему, что все согласны. Так Василий стал полковником...».*

Правда, практически сразу после этого генерал авиации П. Ф. Жигарев был снят с должности командующего ВВС Красной Армии и назначен командующим ВВС Дальневосточного фронта. А дом на Большой Пироговской так и остался за Штабом ВВС. Уже в новом веке в него переехал с Красной площади Штаб Тыла, а сейчас оно наконец «демобилизовано» и отведено для размещения Министерства энергетики.

1941 год должен был стать шестым годом реализации сталинского Генплана реконструкции Москвы. В этот год планировалось окончание застройки и расширения улицы Горького. Между улицей Воровского и Арбатом должна была начаться прокладка улицы Конституции (Нового Арбата). Планировалась реконструкция юго-восточной части Садового кольца от Курского вокзала до Москвы-реки. Застройка Новой Солянки, сооружаемая между Солянкой и бывшим зданием Дворца труда — сейчас это здание Военной академии РВСН им. Петра Великого.

Из-за войны эти планы пришлось отложить. Новый Арбат — проспект Калинина — пробили только в 1960-е годы и застроили уже совсем в ином стиле, нежели планировали ранее. Садовое кольцо реконструировали лишь до Таганской площади — застройка улицы Чкалова (сейчас это Земляной Вал) пришлась на время борьбы с «архитектурными излишествами», и главный «виновник» находится именно здесь — шикарный жилой дом работников Министерства государственной безопасности (МГБ) СССР. В результате напротив него в 1965 году была построена унылая «панелька» со стеклянным универсамом «Людмила». Новая Солянка, которая была частью магистрали Завода им. Сталина (ЗиЛа, ныне уже снесенного и застраиваемого жильем), так и не была построена.

Планы на 1941 год были колоссальными: «В нижних этажах зданий-новостроек откроется много магазинов, мастерских, ателье, кафе, столовых, почтовых отделений, сберкасс. В тринадцать новых домов встраиваются кинотеатры». «В 1941 году в Московской области будет открыто еще 539 мастерских бытового обслуживания населения, в том числе 78 мастерских по ремонту одежды, 32 — по ремонту трикотажа, 22 мастерских химической чистки». «Мощность Сталинской водопроводной станции, одной из крупнейших в Европе, будет повышена с 600 тыс. кубических метров воды в сутки до 720 тысяч кубических метров. Для этого решено построить новый водовод и реконструировать ряд механизмов». «В Москву из Курской области прибыли два вагона живых карпов. С вокзала на специально оборудованных автомашинах

Интерьеры Сталинской водопроводной станции.

рыба перевозится в садок базы “Главрыбсбыта”, находящийся на берегу Химкинского водохранилища. Ежедневно сюда поступает живая рыба с разных концов Советского Союза. Из Астрахани прибывает сазан, щука, сом, из Саратова — стерлядь, из рек и водоемов Тамбовской, Калининской, Курской и Московской областей — живой карп. База имеет 42 огромных ларя, где хранится свыше 100 тонн живой рыбы».

Ожидалось, что уже в навигацию 1941 года по обводненной и одетой в гранит и бетон Яузе смогут свободно курсировать суда — для этого был построен шлюз и гидроузел. Хотя набережные Яузы и дотянули до Сокольников, судоходной она так и не стала — осталась слишком мелкой. Уже летом трест по строительству набережных отправился в Смоленскую область, в район Днепра, возводить оборонительные сооружения.

Еще одним проектом, на котором война навсегда поставили точку, была детская железная дорога в Измайловском парке. Она должна была опоясывать по кругу весь зеленый массив почти от западного входа в парк примерно по трассе открытого участка метро, до Большого Купавенского проезда — тогдашней границы Москвы, потом возвращалась бы вдоль Шоссе Энтузиастов к Малому Московскому железнодорожному кольцу и замыкала круг. В некоторые местах, кажется, еще можно найти остатки начатой насыпи, а вот от станций

этой железной дороги, каждая из которых должна была быть «клубом по интересам», не осталось следов.

И наконец самый грандиозный невоплощенный проект — Дворец Советов. Уже был заложен уникальный фундамент, построена станция метро. В предвоенном году предполагалось, что высота конструкций со стороны Волхонки достигнет 67,5 м, и между ними будет уложено *«9 000 кубометров керамических блоков»*. Летом работы будут остановлены, а «Управление строительством Дворца Советов» будет переброшено под Вязьму на строительство оборонительных сооружений — его начальник Андрей Никитович Прокофьев станет начальником 6-го Управления полевого строительства, а позже отправится на восток страны, строить новые заводы.

Полным ходом шла реконструкция 1-й Мещанской улицы (нынешний проспект Мира), которая началась в 1934 году. Были снесены ветхие строения, трамвай заменен троллейбусом; на протяжении почти 3 км вместо булыжника уложили асфальт. Улица была расширена до

Главная стройка страны — Дворец Советов к 1940 году уже стал подниматься над окружающими домами.

Начало 1-й Мещанской — нынешнего проспекта Мира, оформлено как дорога к ВСХВ (ВДНХ).

40 м и стала застраиваться многоэтажными зданиями. Однако из-за смены стилей строительства *«связи между строениями не было, архитектуре недоставало ясности, иные дома выглядели грубовато»*. Хотя попадались и удачные здания, такие, как дом по проекту архитектора Л. И. Бумажного на углу Трифоновской (проспект Мира, 73). На конкурсе 1940 года этот дом получил первую премию. *«Простыми средствами архитектор нашел правильное решение образца жилого дома на магистрали. Хорошо распределены балконы, приятна живопись, пластичен карниз, отлично и просто сделан первый этаж. Квартиры хорошо спланированы, имеют все удобства»*. Для создания единого решения проспекта Моссовет учредил должность магистрального архитектора, которым был назначен Александр Васильевич Власов. Он рассказал «Известиям», что у Колхозной площади намечается построить многоэтажные дома, угловые части которых будут возвышаться над соседними строениями и создадут подобие ворот магистрали. Война помешала этим планам, вместо «ворот» успели построить только

Дом № 51 по 1-й Мещанской, построен в 1937–1938 гг.

«башенки» на углах домов, из которых осталась лишь одна с правой стороны¹.

Планы реконструкции улицы были грандиозными: «Центральная часть улицы позволяет создать там единый по своей архитектуре элемент. Для того, чтобы внести разнообразие в застройку, здания будут возводиться с отступом от “красной линии”. В середине отступа предполагается построить по проекту архитектора С. Ю. Марковского 12-этажный дом типа “аппартамент-хауза” — с коридорной системой на 200–300 небольших квартир. Напротив намечено построить по проекту архитектора Бумажного 8-этажный жилой дом. Эта часть магистрали будет богато озеленена. Откроет свою зелень и Ботанический сад, скрытый теперь строениями. Начато строительство большого жилого дома для стахановцев двух столичных заводов. Архитектор Марковский

¹ Сейчас на этой «башенке» видны цифры 1954, но первоначально на ней были цифры 1939 и надпись «Всесоюзная Сельскохозяйственная Выставка»

Дом №79 по 1-й Мещанской, построен в 1938 году архитектором П. И. Фроловым.

уделил большое внимание внешнему его оформлению. Витрины первого этажа объединяются в группы. Седьмой этаж будет украшен цветным фризом. Окнам верхнего этажа придается полукруглая форма. На участке 98—112 (пр. Мира, 74. — Прим. авт.) строится 8-этажный дом Наркомпищепрома на 240 квартир (архитектор А. А. Зубин). На участке 64 (пр. Мира, 54. — Прим. авт.) заканчивается стройка 8-этажного дома по проекту архитектора Власова. Все квартиры дома снабжены балконами, которые расположены по фасаду в шахматном порядке. Карниз и центр фасада будут украшены лепкой. Рядом с домом Наркомпищепрома сооружается 8-этажный дом по проекту архитектора А. М. Горбачева. Он предназначен для стахановцев завода “Борец”. На участке 90—96 (пр. Мира, 70. — Прим. авт.) строится дом Наркомлеспрома (архитектор А. В. Машинский). Несколько зданий реконструируются и надстраиваются. Заканчивается проектирование еще тринадцати домов. Через два-три года магистраль на всем своем протяжении будет застроена

Будущая гостиница «Пекин», близкая к завершению в 1941 году, будет достраиваться еще очень долго.

7–8- и 9-этажными зданиями. Москвичи получают сотни новых квартир, десятки тысяч квадратных метров жилой площади.

Активно реконструировалось и Садовое кольцо. На площади Восстания шли подготовительные работы к постройке нового здания театра Сатиры, однако, как мы знаем, оно не было построено, да и вообще вся концепция площади сильно изменилась с постройкой «высотки». Садово-Кудринская застраивалась высокими домами, среди которых были «8-этажный дом Главсевморпути, здание Военно-Политической академии имени В. И. Ленина (проект молодого архитектора М. В. Посохина)».

Площадь Маяковского, являющаяся одной из центральных площадей столицы, должна быть значительно расширена и окружена новыми величественными зданиями. «Для разгрузки ее от пересекающихся потоков транспорта запроектирован перевод движения по Садовому кольцу в тоннели под площадью. Для пешеходов предполагается соорудить

Кинотеатр «Москва» получил современную начинку для стереокино, еще не будучи встроеным в нынешнее здание.

под улицей Горького особые тоннели, соединенные под землей с вестибюлями метрополитена». Война отложила выполнение этих планов, и транспортный тоннель был построен только в 1960-е годы.

С 1939 года строилась большая гостиница, которая сейчас известна под названием «Пекин». «В угловой части ее, доминирующей над остальным зданием, на 10-11-м этажах будет оборудовано на открытой веранде кафе. В нижних этажах отводятся помещения для ресторана, магазинов». Первоначально предполагалось, что гостиница будет принадлежать НКВД, это же ведомство строило и другие здания на площади, в том числе здание, в котором сейчас располагается Минкомразвития.

В 1941 году после модернизации на площади Маяковского открылся кинотеатр «Москва», он был создан в 1913 году как один из первых городских электротеатров — «Дом Ханжонкова». В январе 1941-го в

нем начали показывать стереоскопическое кино на специально сконструированном растровом экране. Однако его архитектурное оформление вызывало многочисленные нарекания прессы. «Говоря о реконструкции площади Маяковского, следует отметить, что много лет назад был разработан и утвержден проект реконструкции здания кинотеатра «Москва». Затратили большие средства на проектирование. Потом все это забросили. Уродливое здание кино «оформлено» фанерой, что не только портит вид площади, но и опасно в пожарном отношении».

Состояние соседних строений тоже удостоилось критики: «Для фасада изготовили по эскизам скульптора В. И. Мухиной фризы длиной около 100 метров. Завезли полированный гранит и естественный камень для облицовки. Теперь барельефы разрушаются, облицовка побита и растаскивается». Вероятно, имелось в виду здание на углу

с улицей Горького. «Здание Концертного зала имени Чайковского не было принято государственной приемочной комиссией. На фасаде его со стороны улицы Горького ниши для барельефов защиты фанерой, не покрытые железом карнизы разрушаются. Не поставлены скульптуры, пока имеются только пьедесталы для них». Но пройдет всего несколько недель, и скульптуры никого интересовать не будут, зато на крыше Концертного зала установят зенитное орудие.

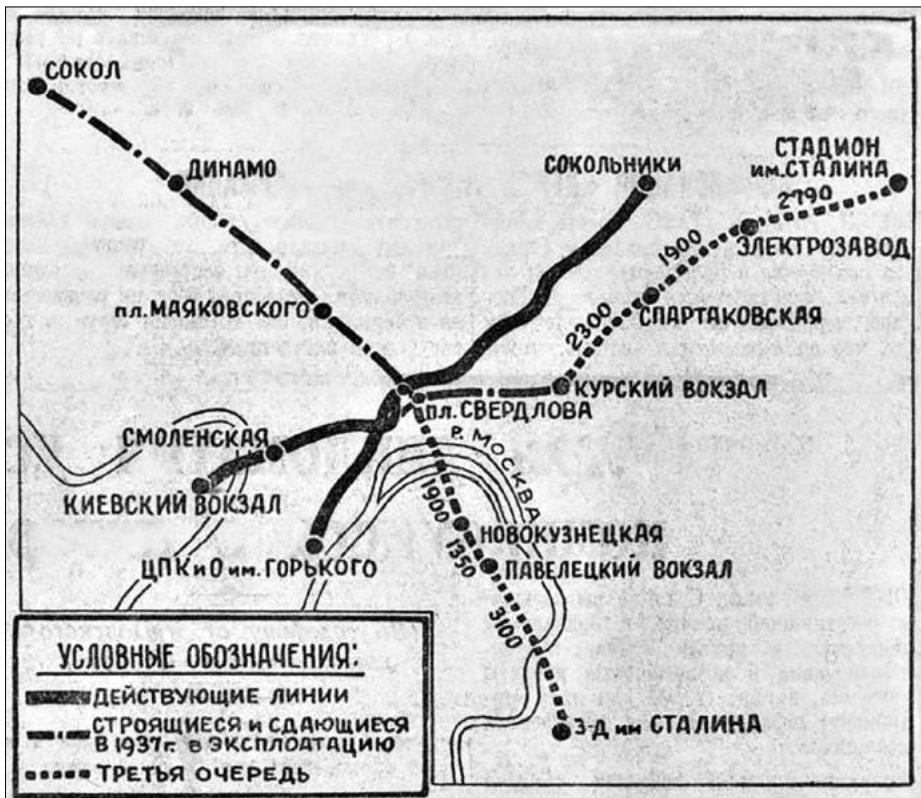
3-я очередь метро

В московском метро росло число пассажиров, в 1938 году их было 212,6 млн человек, в 1939 году — 331,8 млн, а в 1940 году было перевезено уже 375 млн пассажиров. Росло и число линий метрополитена — на 1941 год было запланировано окончание строительства третьей очереди — участков на Замоскворецком и Арбатско-Покровском радиусах. Война резко изменила планы. Бригады метростроевцев были направлены на сооружение специальных объектов, бомбоубежищ как в Москве, так и в глубоком тылу, трудились на строительстве ДОТов на Бородинском поле.

Работы по строительству метро возобновились только в мае 1942 года, и уже в январе 1943-го был введен в строй участок третьей очереди от «Площади Свердлова» («Театральная») до «Завода

им. Сталина» («Автозаводская»). Причем станции «Новокузнецкая» и «Павелецкая» были открыты в ноябре 1943 года, главным образом из-за задержки с поставкой эскалаторов. Ранее они изготавливались в Ленинграде, но он был отрезан от страны, и заказ пришлось передавать на московский завод. Через пару месяцев в январе 1944 года были достроены станции Покровского радиуса от «Курской» до «Измайловский парк культуры и отдыха им. Сталина». От прежнего названия, связанного с планировавшимся перед войной огромным стадионом, было решено отказаться, как и от достройки стадиона. Как еще до войны писала газета «Известия», станция «Семеновская», имевшая проектное название «Сталинская» — по району, в котором она находилась, — отличалась от всех существующих и строящихся станций метрополитена новизной конструкции и архитектуры. Да и сейчас в Москве нет станции, которая была бы похожа на нее. *«Впервые на Метрострое в станции обычного типа массивные пилоны и отдельные проемы заменены колоннадой. Ме-*

таллические конструкции придали солидному подземному сооружению легкость. Все три тоннеля объединены в один общий зал с четырьмя рядами колонн, которые не закрывают общей перспективы станции». Общее оформление станции создал архитектор Метропроекта Самуил Миронович Кравец, который посвятил его Красной Армии. Скульптурное оформление станции сделали скульпторы Вера Мухина и Надежда Вентцель. Монтаж станции должен был быть закончен в июне. Мраморный завод Метростроя уже полностью заготовил мрамор для облицовки станции.

Мозаики для «Новокузнецкой» по эскизам Александра Дейнеки создал ленинградский мозаичист Владимир Александрович Фролов. Он работал над ними до своей смерти в блокадном Ленинграде в феврале 1942 года. В 1943 году мозаики были вывезены по Дороге жизни и смонтированы на станции.

Московская промышленность в борьбе за дисциплину и производительность труда

К началу 1940-х годов Советский Союз столкнулся с проблемой кадрового голода: катастрофически не хватало квалифицированных рабочих. В период индустриализации были построены новые заводы, которые были оснащены современными, купленными за валюту станками производства Германии и США. Но вот уровень квалификации рабочих был чудовищно низким, отсутствовала культура производства, станки зачастую были ненастроенными, грязными, в итоге получалось много брака. В условиях плановой экономики это было катастрофой.

При повышении требований к работникам те далеко не всегда стремились к совершенствованию своих навыков, а переходили на другую работу. В условиях победы над безработицей найти новую работу было не так сложно, тем более по рабочим специальностям. Такие «летуны» не вписывались ни в какие производственные планы, а у директоров заводов не было рычагов, чтобы их удержать.

Кончилось это тем, что 26 июня 1940 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении са-

мовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений». Согласно ему *«уход с предприятия и учреждения или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое мог разрешить только директор предприятия или начальник учреждения»*, и перечень поводов для такого разрешения был минимален. Работники, самовольно покинувшие завод, кооперативное предприятие или учреждение, подлежали ускоренному суду в течение 5 дней и могли подвергнуться *«тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев»*. Увольнение за прогул отменялось. Вместо этого работник должен был подвергнуться наказанию исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до полугода с удержанием части заработной платы. Одновременно были повышены нормы и снижены расценки: формально из-за перехода на 8-часовой день с 7-часового — рабочий день становился длиннее, а значит, и сделать надо было больше.

Поначалу на указ 26-6, как его чаще называли, не обратили большого внимания, но правительство было настроено решительно и стало добиваться его исполнения, наказывая директоров заводов за разрешения увольнения и отсутствие борьбы с прогульщиками и опоздавшими. Опоздание более чем на 20 минут приравнялось к прогулу. В поисках легальных поводов для увольнения некоторые стали совершать незначительные проступки и мелкие кражи, чтобы их выгоняли хотя бы за это. Но и эту «лазейку» перекрыли 8 августа 1941 года. Указом устанавливалось, что *«так называемая “мелкая кража”, независимо от ее размеров, совершенная на предприятии или в учреждении, карается тюремным заключением сроком на один год, если она по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»*. Одновременно развернули кампанию, чтобы заставить эти указы работать, в результате счет осужденных за второе полугодие 1940 года пошел на миллионы.

Отдел кадров МГК ВКП(б) в МК ВКП(б) подготовил 23 мая 1941 года справку о выполнении указа от 26 июня 1940 года. По его подсчету, за первые 6 месяцев действия указа нарсудами г. Москвы было разобрано 169 638 дел, а менее чем за 5 месяцев 1941 года осуждено 46 552 человека. При этом отмечалось, что статистика по прогулам все еще остается довольно высокой. Директора заводов слишком легко подписывали заявления об увольнении по собственному желанию. *«На заводе “Пролетарский труд” Краснопресненского района с 1923 года работал член партии т. Борисов, который от рядового сле-*

саря вырос до начальника цеха. Подал заявление “Прошу уволить меня по собственному желанию ввиду того, что меня не устраивают условия работы”. Директор завода т. Степанов написал “Согласен”. Также были уволены Тюльпин и другие, а всего на заводе за 1940 год было уволено по собственному желанию 200 человек». Надо сказать, что продукция «Пролетарского труда» была важна — проволока и гвозди, но все же он не был заводом оборонного значения. Сейчас на его месте в Шмидтовском проезде, 16 построен жилой комплекс.

В справке приводились примеры в том числе тюремных наказаний за вторичный прогул и исключения из партии. Отмечалось, что «большое число нарушителей трудовой дисциплины имеется среди комсомольцев. Райкомы ВЛКСМ ослабили внимание к этому вопросу, не ведут учета, затягивают рассмотрение дел о нарушителях-комсомольцах и не помогают первичным комсомольским организациям за реализацию указа».

Таким образом рабочие были вынуждены оставаться там, где работать им не хотелось, а главной задачей для них оказывалась не столько борьба за качество, сколько не опоздать на работу. Бороться за качество приходилось совсем другими методами, вот только наказаниями заставить людей ударно работать было невозможно. Приходилось искать новые подходы.

К началу 1941 года на автозаводе им. Сталина на участке блоков цеха «мотор» для выполнения суточного задания приходилось выполнять двойную программу: половина блоков в конце потока могла отсечься на брак. Это приводило к задержкам общезаводского конвейера. Для исправления дефектов приходилось отводить пятую часть рабочих (23 человека) на исправление дефектов. Их называли «подчищалами»: «они работали по специальным расценкам и получали до 45–50 рублей за смену. Такова была плата за технологическую расхлябанность и бескультурие». Оплата в 50 руб. за смену при 26 рабочих днях в месяц выливалась в огромные деньги: 1300 руб., которые получали не всякие высокие начальники.

Основная проблема на ЗиСе была не в станках, а в привычке к неряшливой работе. С ней было решено бороться как привлечением опытных рабочих для наблюдения за работой бракоделов, так и штрафами. В результате с двух рабочих удержали по 150 руб., а со старшего мастера 200 руб. Одновременно начальник участка Эberman довел до рабочих сведения о себестоимости продукции и стоимости заготовок отдельных материалов: «Спасайте каждую отливку блока, она стоит

141 рубль». Брак отливок стали искать на ранних этапах обработки, а не когда на нее уже затрачены труд и дорогостоящие материалы. В результате принятых мер брак сократился на 60%, а выполнение плана выросло до 120%. За квартал участок дал четверть миллиона рублей прибыли. Переход на хозрасчет позволил часть сэкономленных средств выплачивать в виде премии.

Введение хозрасчета вначале коснулось только одного участка, и только потом, постепенно стало распространяться на другие. Как показывала практика, самым действенным рычагом для повышения качества труда было материальное стимулирование, таковым оно

оставалось и в годы войны. Правда, надо отметить, что в то время рабочие могли не получить на руки всех заработанных денег, поскольку часть их уходила на подписку на государственный заём. Как писали «Известия», *«Ни одного трудящегося без облигаций Займа Третьей Пятилетки (выпуск четвертого года) — такова основная задача в размещении займа. При этом необходимо помнить, что добровольность подписки является незыблемой основой советских займов»*. Добровольность добровольностью, но существовал «норматив» на подписку — трехнедельная зарплата, а лучше месячная, и чтобы наличными деньгами. К середине июня 1941 года во многих областях бюджетный план по государственному заёму был выполнен и даже перевыполнен.

В марте горисполком и Управление автогрузового транспорта Моссовета решили приступить к использованию сжиженного газа в качестве горючего для автомашин. В 1941 году должно было быть переоборудовано несколько десятков автомобилей, а *«к концу 1942 г. на жидкий газ намечено перевести до 2.000 автомашин. В столице решено оборудовать несколько газораздаточных станций»*.

7 марта на заседании исполкома были утверждены новые правила пользования трамваем и троллейбусом в Москве. В троллейбусах был разрешен провоз ручного багажа. Также была разрешена посадка с багажом с передних площадок прицепных вагонов трамвая.

В апреле «2-й часовой завод им. Тельмана (Москва), выполнив план первого квартала на 105,1 проц., продолжает и в апреле ежедневно перевыполнять производственные задания В первом квартале завод выпустил 145.500 будильников 412.169 ходиков (при плане в 400 тыс), 45.400 настольных часов, 28 тыс. стенных часов (в том числе новый вид маятниковых часов с боем), 126 тыс. стенных часов упрощенного типа и 42.800 карманных часов. Вызвав на предмайское соревнование коллектив 1-го Государственного часового завода, рабочие и работницы 2-го часового завода обязались закончить апрельскую программу 29 апреля, а программу второго квартала — 26 июня, в день третьей годовщины выборов в Верховный Совет РСФСР». Осенью 1941 года завод будет эвакуирован в Чистополь, где будет частично запущен только весной 1942 года. С тех пор в Чистополе существует часовое производство под маркой «Восток», 2-й МЧЗ вернулся в Москву, где продолжил выпускать продукцию под маркой «Слава». В 1998 году производственные корпуса 2-го МЧЗ, находящиеся возле Белорусского вокзала, были снесены для строительства большого торгового

центра. Производство под маркой «Слава» существует теперь только в Угличе.

Несмотря на торжество плановой экономики и мощный репрессивный аппарат — постоянно обнаруживались «аферисты», которые умудрялись работать и на государство, и на себя. Так, весной 1941 года ОБХСС НКВД СССР арестовал шайку, в состав которой входило 29 злостных аферистов и их соучастников. *«За счет резкого сокращения основных видов сырья для производства белил — окиси цинка и олифы — они создавали скрытые остатки ценных продуктов. Из тайных запасов окиси цинка и олифы преступники изготавливали белила и, не указывая о них в производственных сводках и бухгалтерских книгах, сбывали готовую продукцию через своих сообщников — заведующих моска-*

тельными палатками и магазинами. ... Следствием установлено, что за 2 с лишним года шайка изготовила и продала таким образом 149 тонн белил, получив за это свыше полутора миллионов рублей». Правда, организаторы шайки оказались «классовыми врагами» — в прошлом крупные предприниматели, торговцы. Так, «главарь» Головицер был владельцем мельницы и торговал фуражом. При обыске у Головицера было найдено около 170 тыс. рублей деньгами и облигациями. Часть из них он зарыл в металлической шкатулке в землю. На краденые деньги Головицер построил под Москвой дачу стоимостью в 50 тыс. рублей. У Зельцера найдено денег и облигаций на 100 тыс. руб. Всего у членов шайки отобрано денег и облигаций более чем на полмиллиона рублей, не считая значительного количества золотых изделий, антикварных вещей».

«Милиционер 77 отделения милиции г. Москвы И. Демиденко, возвращаясь с дежурства, ехал на передней площадке прицепленного трамвайного вагона. Через стекло он увидел, как на задней площадке моторного вагона трое людей обступили командира Красной Армии и незаметно для него очень ловко вытащили из кобуры револьвер.

Когда трамвай остановился, Демиденко сразу кинулся к преступникам. Те побежали. У одного из них был украденный револьвер. Демиденко бросился за ним, хотя у самого оружия не было. — Бросай оружие! — резко и повелительно крикнул Демиденко. И преступник, продолжая бежать, бросил револьвер. Милиционер направил на бандита поднятый револьвер и заставил остановиться. Милиционер И. Демиденко за время службы в милиции имеет уже пять благодарностей».

ПВО и МПВО перед войной

Советское правительство, вероятно, впечатленное бомбардировками Лондона, стало резко усиливать противовоздушную оборону, а также проводить мероприятия, направленные на защиту населения, сотрудников учреждений, рабочих заводов и фабрик.

Еще 25 января появилось постановление СНК СССР № 198-97 «Об организации противовоздушной обороны». Согласно ему, «угрожаемой по воздушному нападению зоной» следовало «считать территорию, расположенную от государственной границы в глубину на 1200 км. Пункты и сооружения, находящиеся за пределами 1200 км от

государственной границы, могут быть прикрыты средствами ПВО по особому решению Правительства СССР».

Москву, Ленинград и Баку должны были защищать корпуса ПВО, в состав которых должны были входить: «в Москве и Ленинграде по 600 орудий среднего калибра, 72 орудия малого калибра, 231 крупнокалиберному пулемету, 648 зенитно-прожекторных станций, 432 аэростатов заграждения (для Ленинграда — 648); для Баку — 420 орудий среднего калибра, 84 орудия малого калибра, 236 крупнокалиберных пулеметов, 564 прожекторных станций и 216 аэростатов заграждения». Появление в этом списке Баку объясняется высокой значимостью нефтяных промыслов для снабжения СССР горючим. Кроме того, в 1940 году Германия опубликовала захваченные документы по плану бомбардировки Баку английской авиацией. Увы, такова была реальность — до 22 июня 1941 года Великобритания рассматривалась как один из главных противников СССР.

Москва также в числе первых должна была получить новейшие зенитные 85-мм орудия взамен 76-мм.

В неопубликованных воспоминаниях маршала Советского Союза Г. К. Жукова, которые хранятся в РГВА, говорится: «Советская военная наука перед войной правильно учитывала возможности бомбардировочной авиации наших вероятных врагов, способной наносить мощные удары по войскам и экономическим и политическим объектам в глубоком тылу.

Но к началу войны у нас была надежная ПВО только в Москве, Ленинграде, Киеве и на главнейших военно-морских базах».

Да, за счет остальных ресурсов удалось создать в Москве достойный противовоздушный щит, но другие города, такие как Смоленск, оказались фактически беззащитными перед массированными налетами.

В январе были определены адреса огневых позиций батальонов ПВО Москвы. Часть этих позиций располагалась на крышах домов. Хорошо известны фотографии зенитных орудий на крыше концертного зала им. Чайковского или гостиницы «Москва». В действительности таких крыш были десятки. Большое число домов, построенных в 1930-е годы, имели плоские крыши, солярии, открытые террасы, именно на них и должны были расположиться зенитные орудия. Среди них только что построенный жилой дом слушателей Академии железнодорожного транспорта на улице Чкалова, 38–40 (ныне это снова улица Земляной Вал), памятники эпохи конструктивизма — здание Наркомзема и Дом Центрсоюза, первый московский

«небоскреб» в Большом Гнезниковском переулке, 10 — его крыша с катком идеально подошла для размещения зенитки, которая, по рассказам старожилов, простояла там до 1960-х годов, используя как орудие для салютов. Шестиэтажный дом в переулке Сивцев Вражек, 7, улица Арбат, 27/47 — красивое здание на углу со Старокошущенным переулком.

Еще в 1940 году стали проводиться подготовительные мероприятия по светомаскировке наиболее важных объектов. Например, предприятий Мосэнерго. «Основными методами светомаскировки были приняты синий цвет и зашторивание». Эффективность светомаскировки проверялась на практике — облетом на самолетах. Как оказалось, спрятать электростанции оказалось почти невозможно: их выдавали водные поверхности и дым котельных, которые просматривались самолетом со значительных высот. В январе 1941 года эта задача не была решена — рассматривался вариант создания ложных объектов. Одновременно строились убежища и командные пункты в подвальных помещениях, на большинстве московских электростанций эта работа была завершена уже в январе.

Но, несмотря на всю важность этих мероприятий, планы по МПВО срывались. Согласно докладной записке Мосгорисполкома «О неудовлетворительном выполнении плана мероприятий МПВО за I квартал», план был выполнен только на 2/3. Правда, строились не столько бомбоубежища, сколько газоубежища и дезкамеры — грядущая война рисовалась химической. В конце апреля — начале мая 1941 года произошел очередной виток активности по строительству убежищ.

Отметим, что к этому времени в Москве уже существовало два современных бункера глубокого залегания, которые были построены для нужд ПВО: первый рядом со станцией «Кировская» («Чистые пруды»), второй под Тверской площадью, рядом с перегонем Горьковско-Замоскворецкой линии. О бункере на «Кировской» мы расскажем чуть позже, бункер под Тверской был занят московским ПВО, он описывается в мемуарах начальника пункта ПВО Москвы Д. А. Журавлева.

21 апреля было утверждено постановление СНК «О строительстве убежищ специального назначения», которым предусматривалось строительство на территории Московского Кремля двух убежищ специального назначения. Первое — № 1 неглубокого залегания, общей площадью 380 кв. м, которое бы защищало от попадания бомбы весом 1800 кг с высоты в 4 тыс. м, а другое — № 2 площадью 1520 м, глу-

бокого залегания, на 35–40 м от поверхности «со всем необходимым оборудованием и подсобными помещениями». Они должны были быть готовы к 1 сентября 1941 года и 1 марта 1942 года соответственно.

В тот же день было принято постановление и «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны города Москвы», которое касалось защиты гражданского населения. В частности, предполагалось к сентябрю 1941 года обеспечить укрытие на станциях и тоннелях первой очереди метро глубокого залегания (протяженностью 4 км) — 80 тыс. человек и на участках мелкого залегания (7,5 км) 61 тыс. человек, а к концу 1941 года закончить работы по приспособлению их под газоубежища. А к 1 июля приспособить под убежища тоннели второй очереди, для размещения 185 тыс. человек на участках глубокого залегания и 40 тыс. человек на участках мелкого залегания (станции «Сокол» — «Аэропорт»). Первая очередь метрополитена в основном мелкого залегания и проходит по воспетому в песне Леонида Утесова маршруту от «Сокольников» до «Парка Культуры». К ней же относится и ответвление в сторону «Смоленской» нынешней Филевской линии. Вторая очередь была уже, как правило, глубокого залегания и включала в себя Горьковский радиус: участок «Площадь Свердлова» (сейчас «Охотный Ряд») — «Сокол», Покровский радиус: участок «Улица Коминтерна» (сейчас «Александровский сад») — «Курская» и перегон с метромостом от «Смоленской» до «Киевской». Кроме того, под убежища должны были быть приспособлены и тоннели строящейся третьей очереди. На основании всего этого 7 мая было принято постановление СНК «О мероприятиях по обеспечению капитального строительства местной противовоздушной обороны Союза ССР в 1941 г.», которое дает представление об объемах финансирования этих работ.

«Совет народных комиссаров Союза ССР постановляет:

1. Считать строительство объектов МПВО, а также приспособление линий метрополитена под массовые бомбоубежища первоочередными оборонными сооружениями.

2. Выделить в 1941 г. дополнительный лимит на капитальное строительство НКПСу (Метрострой) из резерва СНК СССР 280.0 млн рублей, в том числе:

а) На приспособление метрополитена 1-й, 2-й и 3-й очередей под убежища 120.0 млн рублей;

б) На строительство специальных объектов 108.0 млн рублей;

в) На основные работы 52.0 млн рублей».

Проектами предполагалась установка специальных гермоворот, которые могли бы защитить укрывающихся москвичей от проникновения отравляющих газов.

НКВД, временно отколов от себя НКГБ, последним озаботился созданием убежища глубокого залегания. Распоряжение о его строительстве вышло 13 мая. Место для него определили между знаменитым зданием на Лубянке и домом №3 по улице Кирова (Мясницкой). Убежище должно было вмещать тысячу человек и иметь выход в путевой тоннель рядом со «Станцией им. Дзержинского» («Лубянка»). Постановление предписывало *«проектирование и строительство убежища возложить на Метрострой. Обязать НКВД предоставить Метрострою необходимое количество (неквалифицированной) рабочей силы»*. Вероятно, под этой рабочей силой подразумевались заключенные. Материалы для строительства убежища должны были быть выделены только в 3 и 4 кварталах 1941 года. Потому маловероятно, что НКВД успел обзавестись убежищем, впрочем, маленький скверик на этом месте никогда не застраивался.

В середине мая произошел инцидент, который мог бы стать проверкой работоспособности системы ПВО, в том числе ПВО Москвы. 15 мая в Москву прибыл внерегистровый германский самолет Junkers Ju 52/3m с бортовым номером 7180, который в 13:53 вылетел из Кёнигсберга и, пролетев над Белостоком, Минском и Смоленском, приземлился на Центральном аэродроме в Москве, сделав перед этим несколько кругов над стадионом «Динамо», где шел футбольный матч. Отметим, что, согласно записке Мехлиса о результатах расследования, у «фирмы» было разрешение на пролет по маршруту Кёнигсберг — Москва, действовавшее до 15 мая. Однако перед вылетом необходимо было уведомить органы советской власти, а те должны были указать маршрут полета. Но полет состоялся безо всякого уведомления, а посты ВНОС прозевали самолет, приняв его за свой. Цель полета так и осталась загадкой, но, по имеющимся немецким данным, в марте 1941 года в СССР было поставлено три аналогичных самолета, и №7180 должен был быть поставлен в мае. На это указывает и то, что летчиков разместили в гостинице «Националь», а общались с ними представители Наркомата внешней торговли.

Тем не менее несанкционированный пролет стал поводом для оргвыводов и репрессий. 10 июня Тимошенко подписал приказ «О факте беспрепятственного пропуска через границу самолета Ю-52 15 мая

1941 г.», в котором, в частности, говорилось: «вследствие плохой организации службы в штабе 1-го корпуса ПВО г. Москвы командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Тихонов и зам. начальника Главного управления ПВО генерал-майор артиллерии Осипов до 17 мая ничего не знали о самовольном перелете границы самолетом Ю-52, хотя дежурный 1-го корпуса ПВО 15 мая получил извещение от диспетчера Гражданского воздушного флота, что внерейсовый самолет пролетел Белосток.

Никаких мер к прекращению полета внерейсового самолета Ю-52 не было принято и по линии Главного управления ВВС КА. Более того, начальник штаба ВВС КА генерал-майор авиации Володин и заместитель начальника 1-го отдела штаба ВВС генерал-майор авиации Грендаль, зная о том, что самолет Ю-52 самовольно перелетел границу, не только не приняли мер к задержанию его, но и содействовали его полету в Москву разрешением посадки на Московском аэродроме и дачей указания службе ПВО обеспечить перелет».

Уже в мае генерал-майора Тихонова на посту командира 1-го корпуса ПВО заменил Даниил Арсентьевич Журавлев. Считается, что именно этот полет стал поводом для репрессий в отношении ряда генералов ВВС, многие из которых были расстреляны осенью 1941 года.

В мае в 28 районах Московской области прошли тактические учения по противовоздушной обороне, в которых приняло участие 255 тыс. человек. Наряду с учениями по противовоздушной обороне почти все районы организовали тактические занятия по борьбе с «парашютными десантами противника». «Энергично ликвидировали «авиадесанты» осовавиахимовские подразделения в Мытищинском, Щелковской, Раменском, Подольском, Реутовском, Кунцевском и других районах области. По сигналу тревоги бойцы быстро собирались на пункты. В Раменском районе, например, через 22 минуты после объявления воздушной тревоги все формирования были в боевой готовности. За две минуты собралась пожарная команда в Мытищах. Хорошо была организована светомаскировка. С наступлением сумерек города и села погружались в темноту». Аварийно-восстановительные команды чинили мосты, исправляли дороги, восстанавливали телефонные линии и водопроводы. В результате за эти дни было отремонтировано 99 и построено 45 деревянных мостов, вырыто 600 щелей-бомбоубежищ, пока лишь в качестве тренировки. На осень планировались большие областные тактические учения...

5 июня председатель Мосгорисполкома Василий Прохорович Проппин предоставил на имя Сталина записку, в которой сообщал о разработанном плане эвакуации из Москвы части населения в военное время. Им предполагался вывоз 1 млн 40 тыс. человек, в том числе 482 тыс. школьников, 226 тыс. дошкольников, 101 тыс. детей из детских садов и яслей, 57 тыс. инвалидов и стариков, 174 тыс. учителей с детьми, обслуживающего персонала и матерей с детьми. Была также дана разнарядка по областям, а сама эвакуация должна была вестись по железной дороге и автобусами. Проектом постановления также предлагалось создать для эвакуируемых детей мобилизационные запасы по 150 тыс. штук зимних детских пальто, шапок и пар валенок.

Хотя план и проект постановления разрабатывался целым коллективом, включая Круглова от НКВД и Щербакова, Сталин ответил резолюцией «Т-щу Пронину. Ваше предложение о “частичной эвакуации населения в военное время” считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда будет и если нужно будет подготовить эвакуацию, — ЦК и СНК уведомят Вас. И. Сталин. 5/VI-41».

ИЮНЬ

Последние мирные дни

10 апреля на Москве-реке началась навигация. Еще никто не знает, что заканчивать ее придется под бомбежками, проводя эвакуацию москвичей как в Подмосковье, так и в глубокий тыл за Волгу. А пока, ровно в 6 утра, из Ногатино (сейчас пишут Нагатино) в Кожухово отправился первый катер: «речные трамваи» на этой линии будут курсировать с интервалом в 11 минут. С 25 апреля началось движение на линии Строгино — Щукино и Серебряный бор — село Троице-Лыково. «Летом большое количество москвичей совершает прогулки по линии Ново-Спасский мост — Крылатское. В этом году количество катеров, обслуживающих эту линию, увеличивается. В выходные дни они будут отправляться от пристаней через каждые 7-8 минут. Московское речное пригородное пароходство открывает в этом году новую пассажирскую линию Нескучный сад — Дом правительства. В Коломенское, Павшино, Серебряный бор экскурсанты смогут поехать на теплоходе “Комсомолец”. 25 тысяч школьников и учащихся ремесленных училищ уже подали заявки на такие прогулки».

В ЦПКиО им. Горького весной 1941 года устанавливали павильон СССР, который находился на международной выставке в Нью-Йорке. Он должен был стоять на месте нынешней площади Ленина: между нынешним центральным входом и квадратным прудом «для купания по праздникам». В июне 1941 года должно было завершиться сооружение фундамента — забито 1250 одиннадцатиметровых железобетонных свай. 15 мая началась кладка стен павильона из пустотелых керамических блоков. «В дальнейшем стены будут возводиться с помощью 27-метрового башенного крана. Они будут сплошь покрыты газганским мрамором, которым павильон был частично отделан в США. Понадобится около 12.000 кв. метров такого мрамора. Для отделки 54-метрового обелиска, на котором будет установлена фигура рабочего с рубиновой звездой в руке, решено использовать шокшинский кварцит из Карелии. Необходимые строительству материалы перерабатываются на площадке в Лужниках и в готовом виде поступают на стройку по специально

Подкова у центрального входа в ЦПКиО им. Горького — строящийся павильон СССР, привезенный со всемирной выставки в Нью-Йорке.
(www.ii-photos-maps.com)

сооруженной трамвайной ветке. Как сообщил сотруднику “Известий” начальник строительства павильона А. В. Воронков, в этом году предполагается закончить возведение стен, соорудить перекрытия и кровлю с тем, чтобы зимой начать внутреннюю отделку». Контуры недостроенного павильона хорошо видны на немецкой аэрофотосъемке. После войны же нашлись более важные задачи, началось противостояние с США, и о выставке в Нью-Йорке предпочли не вспоминать.

А вот другая выставка — Всесоюзная Сельскохозяйственная — только-только набирала силу. Тогда она работала не круглый год, а открывалась к лету. В 1941 году открытие состоялось 25 мая. На него были приглашены 5 тыс. трудящихся столицы и экскурсантов — пе-

редовиков сельского хозяйства. Директор выставки академик Николай Васильевич Цицин рассказывал, что «показ успехов социалистического сельского хозяйства на выставке будет в этом году еще более содержательным. В павильонах богаче, ярче, доходчивее отображаются успехи отдельных передовых хозяйств и их людей». В этом году впервые были открыты павильоны Прибалтийских республик, Карело-Финской и Молдавской ССР. «Выставка, как и в прошлые годы, явится университетом передового опыта. С докладами о своей работе выступят, по примеру прошлых лет, передовики сельского хозяйства, добившиеся рекордных урожаев и высокой продуктивности животноводства, а также представители науки и специалисты. Уже в мае выставку посетит не менее 10 тыс. иногородних экскурсантов».

Несмотря на приятные хлопоты, с конца мая уже стало чувствоваться приближение войны. Михаил Михайлович Пришвин записал в своем дневнике 19 мая: «Весь воздух насыщен страхом войны. Говорят, что евреи очень трусят. И они имеют все основания к этому, бросится ли Гитлер на нас, или мы будем дружить с немцами. Старые русаки, матерые люди, напротив, вовсе не верят в то, что мы пойдём на немцев, и всю нашу бузу считают представлением для англичан».

В этот же день о войне пишет в своем дневнике Вернадский, причина того — новости о появлении Гесса в Великобритании, многие думают, что он поехал договариваться с англичанами о совместной войне против СССР: «Большое возбуждение вызывает бегство или поездка Гесса в Англию. Рассказывают о возможности войны с Германией. Официальные влиятельные круги скорее ближе к английской ориентации. Я боюсь, что официальную лесть и пресмыкательство ЦК партии принимает за реальность. А между тем грозно всюду идет недовольство, и власть, окруженная морально и идейно более слабой, чем беспартийная, массой, может оторваться от реальности. Две фигуры: Сталин и Молотов — остальное <...>¹. Большинство думает, что мы и наша армия не можем бороться с немецкой <армией>. Я думаю, что в конце концов немцы не справятся <с нами> — но фикция революционности, которая у нас существует, где две жандармские армии и миллионы каторжников (в том числе цвет нации), не может дать устойчивости».

В конце мая 1941 года прошел первый выпуск школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), а в начале июня закончились про-

¹ Неразборчиво, предположительно написано «серое» или «ординарное».

верочные испытания в общеобразовательных школах. Выпускные испытания шли до 15 июня. «Наступает лето. Каникулы должны быть максимально использованы преподавателями и учащимися. Директора школ и преподаватели обязаны позаботиться о том, чтобы школьники, остающиеся в городе, не были предоставлены самим

себе. Следует немедленно привести в порядок спортивные площадки, хорошо оборудовать их», — писали «Известия». Не пройдет и месяца, как придется передавать здания школ под госпитали и казармы, а во дворах и на спортивных площадках рыть щели для укрытия от бомбардировок.

А уже в начале июня начался призыв в школы ФЗО: «Все школы выслали в призывные комиссии своих представителей. На заседании комиссии призываемому сообщается, в какой школе и какой специальности он будет обучаться. Представители многих московских школ выехали для участия в проведении призыва в другие области». ФЗО также должны были решить проблему с квалифицированными рабочими кадрами, правда, довольно скороспелыми — обучение длилось всего полгода. Совсем недавно, 2 октября 1940 года был принят Указ «О государственных трудовых резервах СССР», согласно которому Совету народных комиссаров СССР разрешалось «ежегодно призывать (мобилизовать) от 800 тысяч до 1 миллиона человек городской и колхозной молодежи мужского пола в возрасте 14-15 лет для обучения в Ремесленных и Железнодорожных Училищах в возрасте 16-17 лет для обучения в школах Фабрично-Заводского Обучения». Учеников 14-15 лет должны были поставлять городские Советы и колхозы (2 ученика от каждого 100 членов колхозов, считая мужчин и женщин в возрасте от 14 до 55 лет). «Окончившие Ремесленные Училища, Железнодорожные Училища и школы Фабрично-Заводского Обучения считаются мобилизованными и обязаны проработать 4 года подряд на государственных предприятиях». За нарушения дисциплины и за самовольный уход из училища предусматривалось наказание в виде заключения в трудовые колонии сроком до одного года на основании указа от 28.12.1940 г.

«Известия» сообщали, что молодежь идет в школы ФЗО с большой охотой. «Вот перед комиссией 16-летний Игорь Коврыжкин. — Ваше образование? — Спрашивает член призывной комиссии секретарь исполкома Сокольнического районного Совета т. Приказчиков. — Окончил семь классов. В школу ФЗО иду добровольно, — отвечает юноша. Комиссия хотела назначить Коврыжкина в школу ФЗО телеграфистов. Но у призываемого свои планы. — Если можно, прошу комиссию учесть мою просьбу, — хочу учиться на столяра. Свое желание т. Коврыжкин мотивирует тем, что давно избрал эту специальность, дома занимался столярным делом и хочет совершенствоваться в этой области. Комиссия удовлетворила просьбу т. Ков-

рыжкина и направила его в строительную школу ФЗО №8». Этому призыву как раз и выпало заменить призванных в армию и ушедших в ополчение опытных рабочих — выпуск по ряду специальностей состоялся раньше времени.

12 июня на заседании исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся был утвержден план завоза картофеля и плодоовощей на 1941–1942 годы. *«В этом году в Москву намечено завезти 480 тысяч тонн картофеля, 150 тысяч тонн свежей капусты, 42,3 тысячи тонн квашеной капусты, 79 тысяч тонн свежих и соленых огурцов, много моркови, свеклы, лука и других овощей. Столица получит большое количество различных ягод, винограда, арбузов, дынь, грибов и т. д. Всего в текущем году в Москву будет завезено 1.025 тысяч тонн картофеля, овощей и фруктов — на 67,7 тыс. тонн больше, чем в прошлом году».* Надо сказать, что с овощами в 1941 году особых проблем не было, хотя наверняка заготовили меньше, чем планировали. Свою «положительную» роль сыграла эвакуация, которая уменьшила численность населения на 2 млн, часть продуктов была растащена во время «паники» в середине октября. Вот в 1942 году было уже по-настоящему голодно, и мешок подмороженной картошки или свеклы считался большим богатством.

14 июня 1941 года на Бережковской набережной введен в эксплуатацию первый энергоблок Фрунзенской ТЭЦ мощностью 25 МВт. В это же время в Мосэнерго получили секретный приказ о подготовке к работе подземного диспетчерского пункта и максимальном накоплении топливных резервов, запасного оборудования. В условиях войны наиболее уязвимыми и ответственными пунктами являются центральные диспетчерские пункты, при разрушении которых может быть расстроена подача электроэнергии потребителям при полной сохранности самих электростанций. Москва все активнее стала закапываться в землю, но времени оставалось совсем мало.

В 8 часов утра, 14 июня, за неделю до начала войны, на Советской (сейчас это Тверская) площади открылся реконструированный и расширенный сквер. Сквер состоял из двух террас. На верхней расположился большой фонтан, струя воды которого поднимается на высоту 5–6 м. С наступлением сумерек фонтан подсвечивается разноцветными огнями. Широим каскадом вода ниспадает в бассейн. *«На нижней террасе устроен зеленый бордюр, в центре которого установлена скульптура В. И. Ленина. Автор ее — лауреат Сталинской премии С. Д. Меркуров. Скульптура сделана из красного полированного гранита. Ленин изображен сидящим в кресле».* Этот сквер с фонтаном и скульптурой из красного гранита существует и сейчас.

В тот же день центральная пресса опубликовала «Заявление ТАСС», которым то ли хотели развеять слухи, циркулировавшие в дипломатических кругах о скором начале войны, то ли предупредить нападение Германии, показав, что СССР не намерен начинать войну и не стягивает войска к границе.

«Еще до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны. ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изобра-

жать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере, нелепо».

В последнее мирное воскресенье 15 июня, которое было единственным выходным днем, «около 35 тысяч москвичей совершило прогулки на паромоходах и катерах по каналу Москва — Волга и Москве-реке. Паромход “Мечников”¹ отправился до г. Калинина. По Москве-реке ходили 47 катеров, паромход “Хрущев”² и теплоход “Комсомолец”».

19 июня академик Вернадский записывает: «Говорят, что Германии <нами> был предъявлен ультиматум — в 40 часов вывести ее войска из Финляндии — на севере у наших границ. Немцы согласились, но просили об отсрочке — 70 часов, что и было дано». Эта же тема развивается в утренней записи 22 июня, сделанной до выступления Молотова: «По-видимому, действительно произошло улучшение — вернее, временное успокоение с Германией. Ультиматум был представлен. Немцы уступили. Финляндия должна была уничтожить укрепления вблизи наших границ (на севере), построенные немцами. По-видимому, в связи с этим — отъезд английского посла и финляндского? Грабарь³ рассказывал, что он видел одного из генералов, которого сейчас и в партийной, и в бюрократической среде осведомляют о политическом положении, который говорил ему, что на несколько месяцев опасность столкновения с Германией отпала».

К окончанию выпускных испытаний в «Правде» появился большой репортаж из школы №201 корреспондента газеты Льва Кассиля «Зеленый шум». В нем несколько раз упоминается 9 «А» класс, в котором училась тогда еще никому неизвестная Зоя Космодемьянская, вместе с одноклассниками работавшая на благоустройстве школьного двора. Позже, уже после войны в книге «Пометки и памятки» Кассиль утверждал, что разговаривал с Зоей о посаженных ею деревьях. «Заканчиваются выпускные испытания. Из школы уходят молодые люди, получившие тут верную прививку, хорошо подросшие, не боящиеся ни заморозков, ни ветров под открытым небом. Питомцы школы уйдут работать, учиться, служить в Красной Армии... Игет-гугет Зеленый Шум, Зеленый Шум, весенний шум!...»

¹ Останки парохода «Профессор Мечников» ржавеют где-то под Саратовом.

² Паромход был специально построен для Москвы и списан в 1961 году.

³ Грабарь Владимир Эммануилович (1865–1956) — юрист, друг Вернадского, специалист по международному праву, работал с Красиным и Микояном.

За день до начала войны, 21 июня «с Московского речного вокзала на пароходе “Менжинский” отправились в лагерь учащиеся 4-й и 5-й артиллерийских спецшкол гор. Москвы. Среди них нет ни одного неуспевающего. Лагерь, в который выехали школьники, расположен в лесистой местности на берегу Оки. Там будущие артиллеристы пройдут военную учебу в обстановке, приближенной к боевой. Они будут изучать топографию на местности, решать тактические задачи, проводить артиллерийские стрельбы. В лагере школьники практически изучат устав внутренней службы Красной Армии, караульную службу. Большое внимание будет уделено физической и строевой подготовке. За полтора месяца пребывания в лагере учащиеся спецшкол хорошо закалятся».

Воскресенье 22 июня началось в субботу, 21-го

«21-го днем к нам зашла жена Федина — Дора Сергеевна и с ужасом на лице сказала, что вот-вот будет война с Германией, — писала в своих воспоминаниях Зинаида Пастернак. — Как ни невероятно это звучало, но мы встревожились. Вечером я уехала из Переделкина с ночевкой в город В городе я зашла вечером к Сельвинским и рассказала им про слухи о войне. [Илья Львович] Сельвинский возмутился и назвал меня дурой. По его мнению, война с Германией совершенно недопустима, так как недавно с ней заключен договор».

Сын Марины Цветаевой, 16-летний Георгий Эфрон, почти каждый день делал записи в своем дневнике. Очень многие из них касаются бытовых подробностей московской жизни, которые дают нам возможность почувствовать те дни. 21 июня он, в частности, пишет: «Сегодня противная погода. ...В конце концов, плохая погода немного освежает воздух, но противно все же».

Хотя существует распространенное мнение, что вечером в субботу, накануне войны, в московских школах проходили выпускные вечера, никаких официальных документов, газетных статей или дневниковых записей об этом событии найти не удалось¹. Действительно, на предшествующей неделе закончились экзамены и шло

¹ В ряде «немосковских» воспоминаний указываются даты 21 и 22 июня.